

Богущий Алексей Евгеньевич

ПАССИВНАЯ ФОРМА СИБИРСКОЙ АТАМАНЩИНЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются причины, сущность и итоги пассивной атаманщины периода гражданской войны. Обращение к проблеме позволяет расширить сложившиеся в исторической науке представления об атаманщине и атаманах. В отличие от предыдущих исследователей автор делит данное явление на две формы - активную и пассивную, изучая последнюю на примере деятельности атаманов Иркутского и Енисейского казачьих войск - П. П. Оглоблина и А. Н. Тялшинского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-46. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, как мы видим, антикризисные мероприятия властей и общественности носили во многом бессистемный характер и не координировались между собой. Государство изначально пыталось решить проблему, используя преимущественно административно-командные методы и прибегая к экономическим мерам в ограниченных масштабах. Однако затем власти пришли к выводу о необходимости подключения общественных организаций и предпринимателей к решению вопроса, итогом чего стало создание ВПК. Эти структуры, сначала игравшие роль только распределителей заказов, связующего агента между спросом и предложением, в дальнейшем обрели регулятивные функции. Однако благодаря иному кадровому составу, обладавшему большими знаниями в вопросах экономики, администрирование ВПК оказалось гораздо успешнее государственного управления. Комитетам удалось загрузить предприятия заказами, что дало толчок производству и смягчило кризисную ситуацию, а также частично разрешить проблемы с транспортом. Однако степень их компетенции оставалась слишком узкой, а политический вес был недостаточно значимым, поэтому они не могли содействовать решению прочих вопросов, таких как переживаемый промышленностью «кадровый голод».

Список литературы

1. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.
2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 262. Оп. 1.
3. ГАВО. Ф. 266. Оп. 1.
4. ГАВО. Ф. 704. Оп. 1.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 266. Оп. 1.
6. ГАИО. Ф. 366. Оп. 1.
7. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. Б. Ш.
8. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2.
9. ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1.
10. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 137. Оп. 1.
11. ГАЯО. Ф. 906. Оп. 1.
12. ГАЯО. Ф. 1183. Оп. 1.
13. Погребинский А. П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. М., 1941. Т. 11.

ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF TEXTILE INDUSTRY WITHIN UPPER VOLGA REGION PROVINCES DURING THE FIRST WORLD WAR (1914 - FEBRUARY 1917)

Sergei Igorevich Belov
Department of Russian History
Ivanovo State University
Belov2006S@yandex.ru

The author discusses the system of textile industry anti-crisis management within Upper Volga region provinces during the First World War (1914 - February 1917), and analyzes the set of measures taken by the authorities and public organizations to overcome the consequences of raw materials, fuel, personnel and transport crises.

Key words and phrases: crisis; industry; management; First World War; Upper Volga region provinces.

УДК 94(47).084.3

В статье рассматриваются причины, сущность и итоги пассивной атаманины периода гражданской войны. Обращение к проблеме позволяет расширить сложившиеся в исторической науке представления об атаманине и атаманах. В отличие от предыдущих исследователей автор делит данное явление на две формы – активную и пассивную, изучая последнюю на примере деятельности атаманов Иркутского и Енисейского казачьих войск – П. П. Оглоблина и А. Н. Тяшинского.

Ключевые слова и фразы: атаманина; П. П. Оглоблин; А. Н. Тяшинский; гражданская война; Иркутское казачье войско; Енисейское казачье войско.

Алексей Евгеньевич Богуцкий, к.и.н.
Кафедра истории России
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
al_boguz@mail.ru

ПАССИВНАЯ ФОРМА СИБИРСКОЙ АТАМАНИНЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[©]

В период гражданской войны в России появилось такое уникальное явление как атаманина, своеобразный военный вождизм смутного времени. Само явление вождизма - не новое в мировой истории. Любое гражданское противостояние всегда выдвигает лидеров, способных повести за собой народные массы, но ситуация

в России начала XX в. была по-своему уникальной. Здесь на протяжении нескольких веков существовало такое специфическое военно-служилое сословие как казачество. Именно из казачества вышли харизматичные лидеры-атаманы, которые сформировали культ военного вождизма в период гражданского противостояния.

Само понятие «атаманщина» (в советское время ее иногда именовали «атамановщиной» [3, с. 168]) рассматривалось современниками и исследователями по-разному. В советской исторической, научно-популярной и справочной литературе атаманщина (атамановщина) трактовалась как определенная система борьбы с «внутренним врагом» [Там же]. По мнению советских исследователей 1930-х гг., многие офицеры бывшей царской армии, не желая сражаться с регулярными частями Красной армии, «собирали вокруг себя отряды из “героев тыла”» [Там же]. Они объявляли себя атаманами и вели борьбу с большевиками, под которыми подразумевались все неугодные колчаковской власти или самим атаманам [Там же]. Многие командиры звание атамана получили не от казачьих кругов, а присвоили его себе сами. Исследователи отметили и некоторое различие между политическим положением атаманов. Часть из них имела свою подконтрольную территорию («вотчину»), где они были неограниченными правителями и «сами себе закон» [Там же]. К таким атаманам современниками и исследователями были отнесены: Г. М. Семенов в Забайкалье, И. М. Калмыков в Приморье, А. И. Дутов в Оренбуржье. Они имели свои армии, не всегда считались с колчаковским правительством, самостоятельно определяли свою внешнюю политику [3, с. 168; 11, д. 410, л. 32-33].

В эмигрантской историографии и воспоминаниях участников гражданской войны широкое распространение получила точка зрения одного из видных колчаковских генералов, барона А. Будберга, изложившего ее в своем «Дневнике» [8, с. 172-318]. Барон А. Будберг называл атаманщину «белым большевизмом», отмечая беззаконие и самовластие атаманов, которые заставили мирное население поддерживать красных и ждать их как освободителей от террора карательных атаманских отрядов [Там же, с. 175-176, 245-246]. По мнению А. Будберга, подобные действия атаманов подрывали авторитет белого движения в Сибири и нанесли ему непоправимый вред в глазах местного населения [Там же, с. 175-176, 178, 213, 227, 237, 245]. На подобной позиции стояли и другие представители белого движения, и исследователи-эмигранты, такие как Г. К. Гинс [7, с. 470-471], И. И. Серебренников [18, с. 223], И. К. Окулич [11, д. 410, л. 32-33] и др.

Из зарубежных исследователей, занимавшихся и занимающихся изучением гражданской войны в России, следует отметить Нормана Перейру (США), который повторяет точку зрения русских эмигрантов. По мнению американского исследователя, своими действиями атаманы нанесли больше вреда белым, чем красным, особенно в Забайкалье. Важнейшая территория находилась лишь под номинальным контролем правительства адмирала А. В. Колчака [12, с. 47].

В современной российской историографии и публицистике, на наш взгляд, следует отметить две тенденции. Одна из них следует точке зрения на атаманщину советской, эмигрантской и зарубежной историографии, т.е. атаманщина – радикальное, карательное направление, отчасти способствовавшее дискредитации и поражению белого движения в Сибири. По мнению В. Шамбарова (Москва), атаманщина не имела ничего общего с идеями белого движения за спасение России, а являлась «порождением того же революционного беззакония и распада – но с другой, антибольшевистской стороны» [20, с. 279]. Исследователь считает, что воинские части атаманов больше подходили для карательных экспедиций, и у атаманов шла собственная война с партизанами, разжиганию которой во многом способствовали якобы их собственные действия [Там же].

Подобного взгляда на атаманщину придерживается и В. Шульдяков (Омск), который занимается исследованием гражданской войны в Сибири и историей Сибирского казачьего войска первой половины XX века. Изучая указанные проблемы, исследователь не оставил без внимания и вопрос феномена сибирской атаманщины, чему посвятил несколько специальных статей, в том числе и в Сибирской исторической энциклопедии [4, с. 146; 21, с. 641; 22, с. 84-87]. Как считает В. Шульдяков, атаманщина – это «консервативно-монархическое, военно-террористическое течение Белого движения», средство самосохранения некоторых социальных слоев в условиях смуты [4, с. 146].

Сторонники второй точки зрения (В. М. Войнов [5, с. 33], В. Г. Черкасов-Георгиевский [19, с. 470-472]) подчеркивают лишь положительные стороны деятельности атаманов, фактически игнорируя такое явление как атаманщина.

По-нашему мнению, указанные исследователями представители атаманщины являлись носителями не только классической, но и активной, регулярно вступающей в разногласия и конфликты с верховной властью, атаманщины. На наш взгляд, была и несколько иная форма атаманщины – пассивная, заметно отличавшаяся от действий дальневосточных атаманов и представителей ряда других казачьих войск Азиатской России. Примером такой формы следует считать действия атаманов Иркутского и Енисейского казачьих войск П. П. Оглоблина и А. Н. Тялшинского, часто игнорировавших приказы командования. Подобная пассивная атаманщина в любой момент могла перейти в активную фазу и явиться дополнительным катализатором поражения белых армий в Сибири.

В историографии конфликт войсковых атаманов Иркутского и Енисейского казачьих войск с командованием Иркутского военного округа и командованием Сводной казачьей бригады изучен слабо. Первым, кто попытался осветить этот факт, был П. А. Новиков (Иркутск), который частично рассмотрел конфликт иркутского атамана с военной администрацией, но не посчитал его проявлением атаманщины [9, с. 122-125; 10, с. 268-269]. Неподчинение енисейского атамана А. Тялшинского колчаковским властям в историографии изучено не было.

Целью нашей статьи является изучение причин, сущности и итогов пассивной атаманщины периода гражданской войны на примере действий атаманов Иркутского и Енисейского казачьих войск П. П. Оглоблина

и А. Н. Тялшинского. Для решения поставленной цели исследования, понимания особенностей атаманщины на территории Енисейской и Иркутской губерний обратимся к личностям войсковых атаманов и характеристике Енисейского и Иркутского казачьих войск.

Атаман Иркутского казачьего войска Прокопий Петрович Оглоблин родился в 1872 г. в г. Иркутске в семье потомственного иркутского казака. В 1897 г. будущий атаман окончил Иркутское военное училище. Службу начал в Забайкальском казачьем войске. Принимал участие в войне с Китаем 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. Первую мировую войну начал есаулом 1-го Нерчинского казачьего полка Забайкальского войска. Позже командовал 3-м Верхнеудинским и 1-м Сунжеско-Владикавказским казачьими полками. Был начальником штаба, а затем командиром бригады Урминского отряда на турецком фронте. Войну закончил в чине полковника. Был награжден многими российскими и иностранными орденами. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени [10, с. 268]. В 1917 г. казачьим населением Иркутской губернии П. П. Оглоблин был избран атаманом новообразованного Иркутского казачьего войска и принял активное участие в антисоветском восстании в Иркутске. В декабре 1917 г., опасаясь расправы со стороны большевиков, П. Оглоблин бежал на Дальний Восток, где поступил на службу в Особый маньчжурский отряд есаула Г. М. Семенова, с которым вместе служил в годы мировой войны. Именно в Маньчжурском отряде Прокопий Оглоблин, согласно статусу ордена Св. Георгия, был произведен в чин генерал-майора со старшинством с 26 ноября 1917 г. После свержения советской власти на Дальнем Востоке, с 8 октября по 19 ноября П. Оглоблин является начальником штаба V-го Приамурского корпуса. Позже иркутское казачество вновь утвердило генерал-майора в должности войскового атамана [6, с. 152; 15, д. 468, л. 161-162]. Подобный послужной список характеризует его как человека, имевшего солидный военный и военно-административный опыт.

А. Н. Тялшинский в отличие от П. П. Оглоблина не был потомственным казаком и не являлся кадровым военным. Алексей Никанорович Тялшинский родился в 1888 г. в Олонецкой губернии и был, по-видимому, по происхождению разночинцем. После окончания Олонецкой духовной семинарии он служил чиновником в различных ведомствах. В годы Первой мировой войны Тялшинского призвали на военную службу в качестве ратника 2-го разряда. 4 февраля 1916 г. он был зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища. После ускоренного курса обучения его произвели в хорунжие с назначением в Уссурийский казачий полк [1, с. 139-140]. В полку служили и енисейские казаки-добровольцы, которые попросили молодого хорунжего причислиться к енисейскому казачеству. К началу 1917 г. енисейское казачество практически не имело офицеров из своей среды. Перейдя в казачество, А. Тялшинский с сотней енисейцев был откомандирован в конвой командующего 3-м кавалерийским корпусом генерала П. Н. Краснова. В октябре 1917 г. енисейцы приняли участие в неудачном походе корпуса на Петроград. После демобилизации, в конце 1917 г. А. Тялшинский вместе с казаками прибыл в Красноярск. В начале 1918 г. он участвовал в новом неудачном антисоветском выступлении енисейских казаков, после чего был арестован органами советской власти и некоторое время находился в тюрьмах Минусинска и Красноярска. После свержения первой советской власти в Енисейской губернии (июнь 1918 г.) А. Н. Тялшинский занимал различные должности в войсковом управлении Енисейского казачьего войска, неоднократно исполнял обязанности войскового атамана [Там же, с. 140]. В феврале 1919 г. 5-м Большим кругом енисейского казачества сотника А. Н. Тялшинского избрали войсковым атаманом Енисейского казачьего войска. На круге ему пожаловали чин полковника [14, с. 54-55]. В новом чине и должности он был утвержден правительством адмирала А. В. Колчака. В 1919 г. войсковой атаман принимал участие в боях против краснопартизанских отрядов и крестьян, поднимавших антиколчаковские восстания в районе г. Енисейска и в Ачинском уезде [1, с. 140]. Несмотря на быстрый карьерный рост, А. Н. Тялшинский, в отличие от иркутского атамана, не имел многолетнего административного и военного опыта, необходимого при управлении новообразованным казачьим войском.

Отметим, что до Февральской революции 1917 г. Енисейского и Иркутского казачьих войск в царской России не было. На территории Енисейской и Иркутской губерний проживало немногочисленное (около восемнадцати тысяч человек обоюбого пола в 1917 г. [14, с. 33-34; 16, д. 94, л. 28]) казачье население, не имевшее в силу своей численности и большой разбросанности по губерниям войскового статуса и подчинявшееся вне службы гражданским властям. С падением самодержавия, в апреле и мае-июне 1917 г. прошли первые съезды иркутского и енисейского казачества, на которых было принято решение образовать из казачьего населения губерний новые казачьи войска – Иркутское и Енисейское. К осени 1917 г. были сформированы войсковые правления, и избраны войсковые атаманы. Установление советской власти на территории Сибири приостановило процесс создания войсковых структур. С началом гражданской войны, свержением первой советской власти продолжилось оформление войсковых институтов новообразованных войск.

10 июня 1919 г. Совет министров колчаковского правительства признал иркутских и енисейских казаков отдельными казачьими войсками [13, с. 113]. Иркутский и енисейский войсковые атаманы были подчинены военному министру через его помощника по казачьим делам генерал-майора Б. И. Хорошкина. Летом 1919 г. войсковым атаманом Иркутского войска был генерал П. П. Оглоблин, Енисейского – А. Н. Тялшинский. По положению об управлении казачьими войсками П. П. Оглоблину и А. Н. Тялшинскому подчинялись все казачьи части их войск, а сами атаманы получали права командира отдельного корпуса [17, д. 15, л. 16 - 16 об.].

Вступив в должность, иркутский атаман сделал попытку продемонстрировать свои административные и политические возможности. 13 июня в Иркутске представитель находившегося в тот период в Омске П. Оглоблина заявил, что Иркутский казачий полк не признает власти командующего войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанта В. В. Артемьева [10, с. 268]. Подобное заявление в условиях войны можно считать прямым нарушением всех армейских законов и правил, в том числе таких как жесткая дисциплина,

субординация, беспрекословное выполнение приказов вышестоящих начальников и т.д. После переговоров личный состав казачьего полка с помощью нескольких рот пехоты Иркутского гарнизона был разоружен и арестован. В ответ иркутский атаман подал рапорт об отстранении от командования полком забайкальского казака, полковника П. И. Войлошникова, считая, что он не соответствует занимаемой должности. Новым командиром полка Оглоблин самостоятельно, без согласования с вышестоящим начальством назначил полковника Оренбургского казачьего войска А. Бычкова. В ответ командующий округом генерал В. Артемьев указал на недопустимость вмешательства войскового атамана в строевую часть. Новый командир полка, полковник А. Бычков встретил противодействие со стороны командующего Иркутским военным округом и командира Сводной казачьей бригады генерала И. Ф. Шильникова [Там же].

7 июля приказом № 1 П. Оглоблин приказал начальнику Сводной бригады И. Шильникову и командиру полка П. И. Войлошникову не посещать полк, что способствовало обострению конфликта. Временно командующим полком атаман назначил войскового старшину А. А. Могилева. 8 июля Войсковое правление, подерживая атамана, исключило из иркутского казачьего сословия нескольких офицеров Сводной казачьей бригады [16, д. 293, л. 6; 17, д. 3, л. 107]. В этот же день командующий округом генерал В. Артемьев вынужден был отдать приказ, в котором предписал военному следователю привлечь генерала П. Оглоблина к «законной ответственности» [10, с. 268], указав при этом на антидисциплинарные действия войскового атамана, нарушившего несколько статей Сводов военных постановлений. На время следствия и суда, в силу его служебного положения, мерой пресечения для атамана П. Оглоблина был избран домашний арест. Аресту подверглись и члены Войскового правления, поддержавшие атамана: помощник атамана С. А. Лукин, представитель Иркутского войска в Омске хорунжий С. М. Мелентьев, казначей П. П. Хороших и др. После ареста Оглоблина и большей части членов Войскового правления противостояние продолжилось. В июле–августе 1919 г. в Иркутске прошли заседания чрезвычайного казачьего круга. Несколько недель более 40 делегатов от проживавших в Иркутске казаков обсуждали отношения с командованием военного округа. По просьбе П. Оглоблина для рассмотрения конфликта в Иркутск прибыла чрезвычайная комиссия. В ее постановлениях иркутский войсковой атаман обвинялся по статьям 110, 112, 141, 145, 319, 470–474 Свода военных положений – «ниспровержение существующей власти» [16, д. 291, л. 33, 62]. Из-за судебного расследования была задержана отправка на фронт 2-й сотни Иркутского казачьего полка, которая выступила на стороне атамана.

При рассмотрении дела был опрошен ряд офицеров и генералов военного округа, в том числе и начальник Отдельной сводно-казачьей бригады генерал И. Ф. Шильников. Поведение иркутского атамана И. Шильников объяснил следующими причинами. Во-первых, это, якобы, личное неприязненное отношение к нему П. Оглоблина. Дело в том, что 2 октября 1918 г. по распоряжению Г. Семенова по ложному обвинению генерал И. Шильников был арестован в Чите и доставлен на станцию Маньчжурия, начальником гарнизона которой был П. П. Оглоблин. Арест Шильникова можно объяснить попыткой Г. Семенова устранить конкурента за пост войскового атамана Забайкальского казачьего войска. Именно в октябре 1918 г. забайкальское казачество собирало войсковой круг для решения этого вопроса. Полковник Г. М. Семенов в то время еще не имел солидного авторитета в казачьей среде в отличие от генерала И. Ф. Шильникова, имевшего, по некоторым сведениям, больше шансов на предстоящих выборах. В конце 1918 г. кандидатов в войсковые атаманы еще не уничтожали, как это будет в Уссурийском казачьем войске в 1919 г. [16, д. 293, л. 12; 21, с. 85]. Арест Шильникова позволил Семенову на некоторое время устранить конкурента и занять пост войскового атамана, тем самым укрепив свою власть. По приказу П. Оглоблина И. Шильников был посажен в один вагон с убийцами, солдатами и «буянами-офицерами» [16, д. 293, л. 12]. К генералу был приставлен конвой и даже в баню его сопровождали казак и китаец-хунхуз. «После такого отношения ко мне, – отметил И. Шильников в своем докладе начальству, – ему просто неудобно встречаться со мною» [Там же].

Второй причиной подобного поведения иркутского атамана, по мнению И. Шильникова, явилось желание П. Оглоблина иметь в подчинении строевую часть. Это позволяло атаману опереться на реальную силу, которая могла усилить его влияние. По свидетельству Шильникова, об этом Оглоблин неоднократно говорил командиру полка полковнику Войлошникову и даже предпринимал шаги по подчинению полка себе еще с конца 1918 г., но получил отказ от вышестоящего начальства. Третьей причиной, считал И. Шильников, была личная неприязнь Оглоблина к полковнику Войлошникову [Там же, л. 12 - 12 об.].

Изложенные И. Шильниковым причины подобного поведения иркутского атамана нашли подтверждение в мнениях офицеров и начальников, участвовавших в решении сложившейся ситуации. При этом генералу И. Шильникову и полковнику Войлошникову были даны прекрасные характеристики как офицерам, честно исполнявшим службу и не склонным к разного рода склокам [Там же, д. 291, л. 34, 95].

Согласно Своду военных постановлений 1869 г., действовавшему в колчаковской армии и в 1919 г., войсковой атаман не имел права вмешиваться в дела строевой части, какой являлся Иркутский казачий полк. Конфликт, по мнению И. Шильникова, начал разгораться после приезда П. Оглоблина из Омска, когда войсковой атаман открыто стал уговаривать офицеров полка «сплотиться вокруг него», намекая при этом на слабость омского правительства и «возможность воспользоваться случаем и получить побольше прав» [Там же, д. 293, л. 15]. Шильников пытался рассмотреть притязания Оглоблина по прибытии с Дальнего Востока походного атамана казачьих войск генерала А. И. Дутова. Это не входило в планы Оглоблина и, вероятно, поэтому он инициировал выступление полка.

Подобные действия по изъятию Енисейского казачьего полка из подчинения начальника бригады планировал и атаман Енисейского войска А. Н. Тяшинский. Возвращаясь из Омска в Иркутск, П. Оглоблин встретился

в Красноярске с А. Тялшинским. Между ними было установлено «соглашение» о порядке изъятия полков из Сводно-казачьей бригады [Там же, л. 15, 88]. В телеграмме П. Оглоблину 8 июля А. Тялшинский сообщил, что возбудил ходатайство об изъятии полка через походного атамана А. Дутова. Телеграмма была перехвачена. Начальник штаба Иркутского военного округа полковник Главацкий информировал об этом решении енисейского атамана, командующего войсками округа генерала В. Артемьева [Там же, л. 15, 88-89].

Источники свидетельствуют, что конфликт между П. Оглоблиным, А. Тялшинским и командованием бригады военного округа назревал еще с конца 1918 г. [Там же, д. 290, л. 59, 61-62]. Так, в Енисейском войске отмечались крупные финансовые растраты (более 1 млн руб.), плохая подготовка призванных на военную службу казаков, постоянное стремление А. Тялшинского вмешиваться в управление строевыми частями. По мнению ревизоров, в начале 1919 г. Енисейское войско находилось в плохом состоянии по управлению и организации. Войсковые штаты управления были составлены по образцу Сибирского казачьего войска. Для небольшого Енисейского казачьего войска они были «чрезмерно велики» [Там же, д. 81, л. 4, д. 290, л. 61-62]. Атаманы явно переоценивали значение своих войск. Командующий Иркутским военным округом генерал Артемьев в марте 1919 г. в рапорте военному министру отметил, что, по его мнению, в военное время Енисейское и Иркутское казачьи войска с большим напряжением могли выставить только по одному четырехсотенному полку. Постоянное вмешательство в дела строевых частей войсковых атаманов («считающих принадлежащими их себе» [Там же, д. 289, л. 33]) тормозило процесс формирования и воспитания частей. Такое положение Артемьев связывал с отсутствием старых опытных кадровых офицеров, которые могли руководить и воспитывать казаков. Генерал Артемьев высказался за временное, «чтобы они не закрывали движения войсковых офицеров» [Там же, л. 33 - 33 об.], назначение опытных офицеров из других казачьих войск. Командующий округа в данном случае фактически поддержал начальника Сводной казачьей бригады генерала И. Шильникова, предложившего для «пользы службы» прикомандировать к Иркутскому казачьему полку офицеров из других войск [Там же, л. 14, 33 об.].

Генерал Артемьев вынужден был подать рапорт в связи с поступившим 17 марта 1919 г. на его имя рапортом иркутского войскового атамана, в котором последний выразил свое неудовольствие попытками И. Шильникова назначить на командные должности в полку офицеров из других казачьих войск. Атаман апеллировал к постановлениям войсковых кругов, согласно которым любые офицерские должности должны были занимать казаки Иркутского войска [Там же, л. 14-15]. По всей видимости, П. Оглоблин пытался поставить на командные должности офицеров Иркутского войска, чтобы строевые части подчинялись ему без каких-либо разногласий. Если бы командные должности в войсковых частях занимали офицеры из других казачьих войск, войсковой атаман не смог бы влиять на подразделения из иркутских казаков.

Итогом судебного разбирательства, в которое вмешались походный атаман казачьих войск генерал А. И. Дутов, атаманы Забайкальского и Уссурийского казачьих войск Г. М. Семенов, И. М. Калмыков и ряд других авторитетных казачьих лидеров, стал оправдательный приговор П. Оглоблину. Согласно телеграмме Верховного главнокомандующего А. Колчака (от 23 июля за № 112) полковник П. Войлошников был отстранен от командования полком и прикомандирован к штабу Иркутского военного округа. Командование полком принял полковник А. Бычков [17, д. 3, л. 106]. Подобные уступки верховной власти можно отнести к ее слабости, стремлению не обострять отношения с казачеством в целом, ведь казаки составляли значительную часть белой армии, к тому же они были более надежны и подготовлены в военно-политическом отношении, чем призванные в пехотные части крестьяне.

Своеобразная точка зрения на происшедшие события была у иркутских казаков. Действия атамана П. Оглоблина рассматривались на заседании 4-го круга Иркутского казачьего войска. Делегаты круга считали решение атамана П. Оглоблина правильным и государственным. Как казак он защищал интересы казачества. Члены круга обратились к походному атаману А. И. Дутову, чтобы он перед А. Колчаком ходатайствовал о возвращении казакам оружия. Оно, считали казаки, должно быть возвращено с воинскими почестями и в присутствии частей гарнизона, проводивших разоружение и охрану казаков. Была указана и причина именно такого требования – «так как войско позора разоружения принять не может» [Там же, л. 102 об., 107]. В Иркутском войске был избыток казаков-офицеров в обер-офицерских чинах. После разрешения конфликта с П. Оглоблиным было принято решение отправить некоторых офицеров-иркутян на укомплектование оренбургских казачьих частей [16, д. 94, л. 28 об.]. По-видимому, командование округа попыталось избавиться от беспокойного элемента, командировав его на фронт.

В отличие от генерала П. Оглоблина, А. Тялшинский был отстранен от должности войскового атамана и под предлогом обучения в Академии Генерального штаба отправлен во Владивосток. Атаманом Енисейского войска омское правительство назначило Генерального штаба генерал-майора В. Л. Попова. Постановлением от 6 августа 1919 г. 6-й круг енисейского казачества определил отправить полковника А. Н. Тялшинского в Академию Генерального штаба за счет войска с сохранением содержания по должности войскового атамана. Было постановлено ходатайствовать о производстве бывшего атамана в следующий чин и о награждении А. Тялшинского орденом «Освобождения Сибири» первой степени. За особые услуги войску бывший атаман был награжден золотыми часами с надписью «6-й Чрезвычайный Большой круг – почетному казачу Тялшинскому». Постановление предписывало повесить портрет А. Н. Тялшинского в войсковом управлении. В знак особой благодарности и признательности круг пожаловал атамана А. Тялшинского званием почетного казака Енисейского казачьего войска [1, с. 140-141].

По нашему мнению, подобные события были связаны с таким явлением как атаманщина. До положения атаманов А. И. Дутова, Г. М. Семенова, И. М. Калмыкова иркутянину П. Оглоблину и енисейцу А. Тялшинскому

было далеко, так как малочисленное енисейско-иркутское казачество с напряжением всех сил сумело сформировать только три конных полка. Сформированные полки были подчинены строевому начальству, а не войсковым атаманам, что не позволяло последним опереться на них для укрепления своей власти и получения дополнительных прав от омской власти. Роль крупных военных и государственных деятелей этим атаманам подходила мало. Можно согласиться с мнением П. А. Новикова о том, что конфликт командующего Иркутским военным округом и иркутского атамана летом 1919 г., когда на фронте не хватало солдат, «иначе как абсурдным назвать нельзя» [10, с. 269]. Это высказывание, по-нашему мнению, следует отнести и к деятельности енисейского атамана А. Тялшинского. Подобные противостояния с Верховной властью в период войны грозили поражением белой армии и политического режима, с падением которого могли потерять свою власть оба атамана. Колчаковское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки атаманам. Так, командиром Иркутского казачьего полка был назначен предложенный П. Оглоблиным оренбуржец, полковник А. Бычков. В то же время Омск сумел не допустить серьезной конфронтации с атаманами, которая могла вызвать беспорядки в тылу белых. Власти даже отстранили под благовидным предлогом атамана Енисейского войска А. Тялшинского, назначив на его место нового атамана. Таким образом, омское правительство ликвидировало очаг напряженности и не допустило его перерастания в активную фазу, т.е. возможное вооруженное столкновение казаков и правительственных войск.

В дальнейшем оба атамана разделили судьбу белого движения в Сибири. Полковник А. Н. Тялшинский не принимал уже активного участия в политике. Известно, что с 1920-х годов он проживал в Китае, в г. Харбине. С 1927 по 1945 г. он возглавлял Енисейскую казачью станицу, в состав которой входили казаки-енисейцы, эмигрировавшие в Китай и осевшие в Харбине после падения Приморья. После 1945 г. судьба его неизвестна [1, с. 141; 21, с. 664].

Генерал-майор П. П. Оглоблин при захвате эсеровским политическим центром власти в Иркутске (январь 1920 г.) перешел с частью иркутских казаков на его сторону. Позже он поддержал советскую власть в Иркутской губернии, заявив при этом, что, будучи войсковым атаманом Иркутского казачьего войска, «выявил себя противником павшей власти Колчака, за что совместно с бывшими членами войскового правления, офицерами и казаками полка, и был арестован» [10, с. 269]. Подобный факт свидетельствует о стремлении Оглоблина исползовать свое неподчинение Верховному правителю для демонстрации своей лояльности новой власти, при которой он хотел не только сохранить себе жизнь, но и власть. П. Оглоблину разрешили провести V войсковой круг в апреле 1920 г., на котором иркутские казаки приняли ряд лояльных постановлений в отношении советской власти. Атаман П. Оглоблин был выбран представителем от иркутского казачества в Казачий отдел ВЦИК, но вскоре его арестовали и поместили в Омский концлагерь. После полугодового заключения Особый отдел его, как не нанесшего вреда Красной армии, выпустил на свободу. Возможно, факт неподчинения генерала приказам Верховного правителя, бунт иркутских казаков способствовали такому решению членов Особого отдела. Атаман сумел пробраться в контролируемое белыми Приморье, где летом 1922 г. принял участие в Земском собрании. После эвакуации остатков белых армий из Приморья, П. Оглоблин оказался в Китае, в г. Шанхае. С 1925 г. генерал-майор П. Оглоблин был одним из членов правления Казачьего союза, органа объединения проживавших в городе и его пригородах казаков. В это же время Оглоблин стал атаманом зарубежной Иркутской казачьей станицы, сформированной из казаков-иркутян. Вскоре из-за возникшей между ним и другими членами правления Казачьего союза склоки он вышел из него и организовал собственную организацию «Казачье объединение», которая позже вошла в монархическое «Русское зарубежное патриотическое объединение». Атаман Иркутского казачьего войска, генерал-майор Прокопий Петрович Оглоблин скончался 21 августа 1940 г. в Шанхае [2, с. 186, 193; 6, с. 152-153].

Список литературы

1. **А. Н. Тялшинский** // Енисейские казаки: историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков по материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым / под ред. Н. Н. Князева. Харбин: Издание Енисейской зарубежной казачьей станицы, 1940.
2. **Аблова Н. Е.** КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории: первая половина XX в. М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.
3. **Атамановщина** // Сибирская советская энциклопедия: в 4-х т. / под ред. М. К. Азадовского и др. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. Т. 1. С. 168-169.
4. **Атаманщина** // Сибирская историческая энциклопедия / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2.
5. **Волков Е. В.** «Коннице отведено едва ли не последнее место»: почему командованию не удалось эффективно использовать казачьи конные соединения // Белая Гвардия: альманах. М.: Посев, 2001. № 5. С. 30-35.
6. **Волков Е. В., Егоров Н. Д., Купцов И. В.** Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. 240 с.
7. **Гинс Г. К.** Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории: 1918-1920 гг.: впечатления и мысли члена Омского правительства. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
8. **Гуль Р. Б.** Ледяной поход. Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. 1918-1919 годы. М.: Молодая гвардия, 1990. 318 с.
9. **Новиков П. А.** Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. 415 с.
10. **Новиков П. А.** Неподчинение атамана П. П. Оглоблина // Белая Гвардия: альманах. М.: Посев, 2005. № 8.
11. **Окулич И. К.** Мои воспоминания: 1917-1931 гг. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 1.
12. **Перейра Н.** Сибирская атаманщина: «военный вождизм» времен гражданской войны // История белой Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001.

13. **Постановление Совета министров о признании иркутских и енисейских казаков отдельными войсками, с наименованием их Иркутским и Енисейским казачьими войсками** // Енисейские казаки: историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков по материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым / под ред. Н. Н. Князева. Харбин: Издание Енисейской зарубежной казачьей станицы, 1940.
14. **Протоколы 5-го Большого круга Енисейского казачьего войска: 15-21 февраля 1919 г. в г. Минусинске.** Ачинск, 1919. 64 с.
15. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 1468. Оп. 2.
16. **Российский государственный военный архив (РГВА).** Ф. 39515. Оп. 1.
17. **РГВА.** Ф. 39709. Оп. 1.
18. **Серебренников И. И.** Мои воспоминания. Тяньцзин: STAR PRESS, 1937. Т. I. В революции: 1917-1919. 289 с.
19. **Черкасов-Георгиевский В. Г.** Вожди белых армий. Смоленск: Русич, 2003. 512 с.
20. **Шамбаров В.** Белогвардейщина. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
21. **Шудряков В. А.** Гибель Сибирского казачьего войска: 1917-1920. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. Кн. I. 748 с.
22. **Шудряков В. А.** «Перегрызай горло всякому большевику...»: мифы и реалии атаманщины // Родина. 2008. № 3.

PASSIVE FORM OF SIBERIAN ATAMAN MOVEMENT DURING CIVIL WAR

Aleksei Evgen'evich Bogutskii, Ph. D. in History
Department of Russian History
Khakass State University named after N. F. Katanov
al_boguz@mail.ru

The author discusses the reasons, essence and results of passive ataman movement during Civil War period, substantiates that the problem consideration allows to extend the idea of ataman movement and atamans existing in historical science, in contrast to previous researchers divides the phenomenon into two forms – active and passive ones, and studies the latter by the example of Irkutsk and Eniseisk Cossack troops atamans – P. P. Ogloblin and A. N. Tyalshinskii.

Key words and phrases: ataman movement; P. P. Ogloblin; A. N. Tyalshinskii; Civil War; Irkutsk Cossack troops; Eniseisk Cossack troops.

УДК 34

В статье рассматривается ранее не охваченная проблема влияния эффективности юридической деятельности на уровень правовой культуры граждан. Формы, способы и виды юридической деятельности являются показателем качества правовой жизни общества. Правовая культура рассматривается как одна из многочисленных граней общей культуры, как степень развития всех правовых явлений, образующих правовую действительность.

Ключевые слова и фразы: юридическая деятельность; правоприменительная деятельность; правовая культура; правосознание; административный регламент; Сахалинская область.

Валентина Сергеевна Бреднева, к.ю.н.
Кафедра теории права и государственно-правовых дисциплин
Юридический институт
Сахалинский государственный университет
v-bredneva@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ[©]

Научная статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы. Проект № 2010-1.3.1-301-015-008.

В современный период профессия юриста вытесняется из структуры востребованных профессий. В высших учебных заведениях снижается количество бюджетных мест для гуманитарных специальностей. Если еще в 2001 году в Сахалинском государственном университете около 60 человек могли рассчитывать на бесплатное обучение по специальности «Юриспруденция», то в 2010 году – только 11.

В то же время в геометрической прогрессии увеличивается количество принимаемых нормативно-правовых актов самого разного уровня. Ситуация обусловлена развитием системы общественных отношений, расширением сферы правового регулирования.

С увеличением объема правового регулирования растет количество противоречий, коллизий. Вместе с тем уровень правовой культуры, правосознания граждан, степень уважения к праву, престиж государственно-властных институтов во многом определяются способом преодоления подобных коллизий, качеством и эффективностью юридической деятельности [6].